

—

V.

Императорский походный дворец в Цзиньлине.

Зал Ваньхэ.

Вэй Чжэнпин сидел в кресле, попивая чай. Его голос звучал тонко и вкрадчиво:

— Люди ушли, и дом пуст?

Вэй Фэн, чьи ноги заметно подрагивали, кивнул:

— Именно так, приемный отец.

Вэй Чжэнпин поднял взгляд и скользнул по нему холодным взглядом:

— А-Фэн, в последнее время ты работаешь крайне небрежно. Прошлой ночью ты не нашел налетчиков, посмевших вторгнуться во дворец, а утром я поручил тебе выследить убийц Яньянь, и ты снова позволил им ускользнуть. А?..

— Отец... отец, пощадите! — Лицо Вэй Фэна покрылось испариной, ноги подкосились, и он рухнул на колени. — Ваш сын приложит все силы к поискам, я не дам этим негодьям уйти!

В мире боевых искусств он считался истинным мастером первого ранга, на которого многие смотрели с благоговением, но сейчас перед Вэй Чжэнпином он чувствовал себя ничтожным муравьем.

— Хм, разумеется. Убить приемную дочь Вэй Чжэнпина и надеяться на спасение? — Вэй Чжэнпин осторожно поставил фарфоровую пиалу, издав едва слышный стук.

В замершем зале этот звук прозвучал подобно раскату грома.

Помолчав немного, Вэй Фэн почтительно доложил:

— На самом деле ваш сын уже напал на след убийц Яньянь, но преступники оказались крайне хитры. Под покровом ночи они переправились через реку и направились в сторону гор Ланья.

— Горы Ланья... Направились в секту Юйхо? — Вэй Чжэнпин прищурился.

— Да, — Вэй Фэн под гнетом его властной ауры едва мог распрямить спину и лишь тяжело кивнул.

— Ха-ха... — Вэй Чжэнпин на мгновение замолчал и тонко рассмеялся. — А они сообразительны. «Священный канон Нирваны» главы секты Юйхо, Сун Уди — извечный враг нашего «Канона Подсолнуха».

Вэй Фэн поспешил подобострастно добавить:

— Божественное мастерство отца не знает границ, разве может какой-то Сун Уди сравниться с

вами?

Вэй Чжэнпин покачал головой:

— Тебе, никчемному, не дано понять, насколько велик Сун Уди. Впрочем, люди из клана Сун в последнее время постоянно шлют прошения об аудиенции с Императором. Думаю, сегодняшний день вполне подходит для встречи.

Во всем регионе Цзянхуай клан Сун был самым могущественным из великих домов. А глава секты Юйхо, Сун Уди, был дальним родственником этого клана; обе стороны всегда поддерживали друг друга и сотрудничали.

Дворец Циньчжэн, боковой зал.

На гладком полу лежала ярко-желтая подушка для медитаций. Гу Сьюань сидел на ней, скрестив ноги. Его распущенные волосы шевелились без всякого ветра, над головой клубился едва заметный белый пар, а лицо стало пунцово-красным.

Любой, кто увидел бы это, решил бы, что он находится в состоянии «искажения ци» (одержимости внутренним демоном).

Спустя некоторое время это странное видение постепенно рассеялось. Гу Сьюань толкнул ладони вперед, и чашки на столе прямо перед ним сильно задрожали.

Он открыл глаза, и взгляд его был глубоким: «Первозданное искусство Неба и Земли» действительно оправдывало звание легендарного манускрипта — всего полдня практики принесли такой поразительный эффект.

Тот удар мечом Се Чэньюня оказал ему неоценимую услугу.

Интересно, как он сейчас?

Только он об этом подумал, как Гу Сьюань вскинул бровь, отодвинул полог кровати и босиком спустился на пол, заложив руки за спину. В следующий миг в окне мелькнула черная тень, и перед ним на колени пал человек.

— Приветствую, Ваше Величество.

Гу Сьюань спокойно спросил:

— В пути обошлось без происшествий?

— Молодой господин Се с братом успешно вступили в секту Юйхо, — холодным голосом ответил Ин И (Тень Один).

Сунь Яньянь всё же была приемной дочерью Вэй Чжэнпина, к тому же погибло столько воинов Управления Цинли — Вэй Чжэнпин ни за что бы не оставил это безнаказанным. А раздавить братьев Се для него было не сложнее, чем прихлопнуть муравья. В поместье Се им оставаться было нельзя.

Поэтому прошлой ночью, после ухода Гу Сьюаня, Се Чэньюнь раздал серебро немногим уцелевшим слугам и распустил их, а сам вместе с Се Минкуном до рассвета поспешил в секту Юйхо за защитой.

Как говорили в древности: «Чучжоу со всех сторон окружен горами». Главная резиденция секты Юйхо находилась в горных цепях пригорода Чучжоу. Чучжоу располагался совсем рядом с Цзиньлином — два великих города стояли друг против друга через Янцзы: Цзиньлин на южном берегу, Чучжоу — на северном. Из Цзиньлина можно было за два часа переправиться на лодке и проехать еще около сотни ли.

В прошлой жизни после трагедии с Се Минкуном Се Чэньюнь тоже отправился в секту Юйхо обучаться боевым искусствам, желая отомстить. Хотя между четырьмя великими кланами и были тайные раздоры, все они единодушно выступали против Вэй Чжэньпина, прозванного «Девяти тысячелетним». Се Чэньюнь пришел под предлогом спасения от гнева Вэй Чжэньпина из-за случайного убийства его дочери, и секта Юйхо, разумеется, не отказала — тем более что и Се Чэньюнь, и Се Минкун сами по себе были отличными «семенами» для практики.

Когда Гу Сьюань вышел из бокового зала, его личный евнух Ван Тань вместе с группой слуг уже ждал снаружи. Увидев императора, он засуетился:

— Ваше Величество, вы наконец-то изволили подняться?

Гу Сьюань спросил:

— Что случилось?

Ван Тань поспешно доложил:

— Только что от великого полководца Вэя прислали человека. Сказали, что после обеда он приведет герцога Суна на аудиенцию к Вашему Величеству.

Гу Сьюань сел в кресло и небрежно уточнил:

— Герцог Сун — это глава клана Сун, Сун Тянью?

Ван Тань кивнул:

— Именно так.

Герцог Сун, разумеется, был один, и то, что император задавал такие вопросы, не вызывало у слуг удивления — настолько прежний владелец тела был невежественен и пуст.

— Что ж, тогда приму их, — Гу Сьюань немного помолчал, кивнул и махнул рукой. — Подавайте обед!

— Слушаюсь, — отозвался Ван Тань и подал знак стоящим за спиной.

Вскоре вереницей вошли дворцовые служанки; словно бабочки, порхающие среди цветов, они расставили на низком столике перед Гу Сьюанем десятки изысканных и дорогих блюд.

Проснувшись ночью и совершив вылазку из дворца, Гу Сьюань по возвращении всё время тренировался без минуты отдыха, так что сейчас у него действительно разыгрался аппетит.

Он холодно произнес:

— Ступайте. Сегодня мне не нужно прислуживать.

Его обычный нрав отличался непредсказуемостью и вспыльчивостью, поэтому дворцовые слуги

не посмели даже на миг послушаться — в одно мгновение в зале воцарилась тишина.

Лишь его личный евнух Ван Тань всё еще вытягивал шею, с каким-то странно-нервным видом заглядывая во внутренние покои.

Судя по сюжету оригинала и воспоминаниям прежнего владельца тела, Гу Сьюань мог заключить, что этот парень хоть и трусоват, но, будучи его слугой, выросшим вместе с ним с малых лет, был предан ему всей душой. Более того, он то и дело пытался всяческими способами убедить императора проявлять хоть какой-то интерес к государственным делам.

Заметив его вороватый вид, Гу Сьюань, не выпуская палочек из рук, спросил:

— Что ты здесь застрял? Хочешь пообедать вместе с императором?

— Раб не смеет! — Ван Тань тут же пришел в себя.

Он посмотрел на Гу Сьюаня, хотел что-то сказать, но осекся. Помедлив, он всё же втянул голову в плечи и спросил:

— Ваше Величество, скоро придут великий полководец Вэй и герцог Сун. Нужно ли отослать красавицу, что внутри?

Гу Сьюань подцепил палочками кусочек куриного филе с грибами и отправил в рот:

— Какую красавицу?

Ван Тань густо покраснел и затараторил:

— Ну ту самую красавицу, что была на драконьем ложе прошлой ночью, когда во дворец ворвался Вэй Фэн!

Он решил, что Гу Сьюань снова собирается дурачиться и развлекаться с фавориткой прямо во время приема министров. За те несколько дней, что они провели в походном дворце, он уже наслушался от местных слуг, что герцог Сун человек крайне прямолинейный и суровый. Если он затеет спор с Его Величеством — беды не миновать...

Гу Сьюань слегка нахмурился, и только тут до него дошло, о чем идет речь.

Хм... Эта «красавица Се» уже давно улетела из дворца.

Он спокойно ответил:

— Прошлой ночью я лично выпроводил этого человека.

— Ваше Величество мудры! — Ван Тань мгновенно расплылся в улыбке. Немного подумав, он добавил: — Ваше Величество, раб не знает, из какого дворца эта красавица. Позвольте мне распорядиться, чтобы ей поднесли укрепляющие снадобья...

В этих дворцовых стенах «укрепляющее снадобье» было лишь намеком — обычно под ним подразумевался отвар, предотвращающий беременность. Прежний владелец тела вел столь распутный образ жизни, что, не принимая они меры, императорские отпрыски уже заполнили бы собой всё вокруг.

Гу Сьюань покачал головой:

— Нет нужды.

Снадобья? Ранее Се Чэньюнь получил удар ядовитой ладонью, и укрепляющие средства ему, возможно, были бы кстати, но сейчас... Неужели он должен посылать их ему на тот берег реки?

Услышав ответ, Ван Тань опешил. Лишь спустя долгое время он медленно пробормотал:

— Слушаюсь.

Затем он с крайне сложным выражением лица попытился к выходу. Лицо его выражало такое нагромождение чувств, что даже Гу Сьюань, будучи невозмутимым императором-технарем, заметил неладное.

«Уж не вообразил ли он себе чего?» — подумал Гу Сьюань.

Но вскоре он снова успокоился и сосредоточился на еде. Пусть Се Чэньюнь и красавец, но он вовсе не был его «красавицей в постели». Раз всё это — чистейший вымысел, к каким серьезным последствиям может привести недопонимание?

Когда Ван Тань закрыл двери опочивальни, к нему тут же подскочил ожидавший снаружи молодой евнух:

— Учитель, почему вы вышли один?

Ван Тань посмотрел на его невинное лицо и протяжно вздохнул. Меньше знаешь — крепче спишь.

Молодой евнух от этого вздоха не на шутку перепугался, губы его задрожали:

— Учитель? Чт... что случилось?

— Ничего, — Ван Тань качнул своей метелкой-фучэнем из конского волоса и неспешно встал под колонной.

Он подумал про себя: «Неужели я должен сказать тебе, что у нас скоро могут появиться сразу двое новых хозяев?»

С момента восшествия на престол Его Величество ни разу не позволял никому из гарема оставить после себя потомство. Но в этот раз он не только скрывал красавицу ото всех, наслаждаясь ею в одиночестве, но и милостиво позволил сохранить «кровь и плоть». Видно, эта любовь поистине безгранична!

После обеда Гу Сьюань еще немного вздремнул в кресле, пока снаружи не раздался тонкий пронзительный голос, возвещающий о прибытии гостей. Пришли Вэй Чжэнпин и герцог Сун.

Гу Сьюань открыл глаза:

— Впустить!

Две фигуры вошли в зал почти плечом к плечу.

Тот, что стоял справа — Вэй Чжэнпин — был одет в темно-зеленое чиновничье платье. Лицо его было бледным и гладким, без единого волоска бороды. Кожа хоть и была подернута

мелкими морщинками, старой не выглядела — на вид ему можно было дать лет пятьдесят.

Однако Гу Сьюань знал, что этому старому евнуху уже за восемьдесят. Он попал во дворец еще при прежней династии, а когда Великая Чжоу сокрушила предшественников, ему посчастливилось остаться в живых. Позже он сумел выслужиться перед покойным императором и постепенно прибрал власть к рукам. К моменту восхождения на трон Гу Сьюаня этот старик действительно стал «одним над десятью тысячами», уступая лишь самому государю.

А вот герцог Сун, стоявший слева, был облачен в легкие доспехи.

Клан Сун происходил из среды военачальников, которые когда-то вместе с покойным императором завоевывали этот мир. И хотя главе клана перевалило за семьдесят, благодаря глубокой внутренней силе он всё еще был полон сил и крепок телом. Среди «Четырех великих кланов» дом Сун был единственным, кто сохранял хоть каплю преданности императорской семье.

Конечно, в оригинале романа через два с лишним года, когда Поднебесная погрузилась в хаос и повсюду вспыхнули восстания, клан Сун под давлением обстоятельств был вынужден примкнуть к мятежникам.

Сун Тянью смотрел на Гу Сьюаня, который сидел на троне без малейшего намека на выправку, лениво откинувшись на спинку и полуприкрыв веки, словно вот-вот готов был провалиться в сон. Сердце старика наполнилось горечью.

Насколько же величественным и мудрым был покойный император, сумевший объединить Центральные равнины и положить конец многовековой смуте! Кто бы мог подумать, что спустя всего несколько лет после его кончины родной сын превратит двор в такое посмешище. Если так пойдет и дальше, Поднебесную снова ждет крах. Всего несколько дней назад тайные лазутчики донесли, что клан У в землях Сянчу уже начал проявлять опасную активность.

Прокрутив в голове эти мысли, Сун Тянью внешне остался непоколебим и почтительно склонился:

— Подданный приветствует Ваше Величество.

Вэй Чжэнпин, заметив это, тоже совершил формальный поклон:

— Приветствую Ваше Величество.

Гу Сьюань открыл глаза и посмотрел на Сун Тянью:

— Я слышал от своего слуги, что Цзянду совсем рядом с Цзиньлином. Почему же герцог Сун пришел на встречу только сегодня?

При этих словах и Вэй Чжэнпин, и Сун Тянью прищурились. Было ли это сказано с умыслом или по глупости?

Вэй Чжэнпин поспешил с улыбкой объяснить:

— Ваше Величество, вы позабыли? Третьего дня раб докладывал вам о просьбе герцога Суна об аудиенции, но вы были заняты и изволили отложить встречу.

— Вот как? — небрежно бросил Гу Сьюань. Затем он уставился на Вэй Чжэнпина и проворчал:
— Должно быть, ты, старая развалина, говорил слишком тихо, и я не расслышал. Иначе, в покоех какой бы красавицы я ни находился, я бы непременно вышел встретить герцога Суна.

Лицо Сун Тянью несколько раз сменило выражение — он не знал, радоваться ему или печалиться. Император был полностью под пятой старого лиса Вэй Чжэнпина.

Увидев, что Гу Сьюань всё так же пребывает в образе никчемного правителя, Вэй Чжэнпин окончательно успокоился и тут же подхватил:

— Да, во всём виноват ваш раб. Ваше Величество обременены тысячью дел и необычайно заняты. Но, как говорится, хороша каша к обеду — то, что Ваше Величество принимает герцога Суна сейчас, ничуть не хуже.

Гу Сьюань кивнул:

— Справедливо.

Вэй Чжэнпин сиял от самодовольства, а вот Сун Тянью больше не мог этого выносить. Гу Сьюань в качестве монарха прибыл в столь важный регион, как Наньчжили, почти десять дней назад, но до сих пор лишь предавался разврату в походном дворце. Он не принимал местных чиновников, не интересовался жизнью народа, не обсуждал вопросы обороны с военными кланами — всё это походило на какой-то дурной фарс.

Герцог сложил руки в приветствии:

— Ваше Величество! Не только я, но и чиновники Цзиньлина, Янчжоу и других округов ждут возможности засвидетельствовать вам свое почтение!

Гу Сьюань скорчил кислую мину:

— Неужели так много людей хотят меня видеть?

Брови Сун Тянью взметнулись вверх:

— Ваше Величество, встречаться с подданными — прямая обязанность государя!

— Ладно, ладно, раз так — приму их! — Гу Сьюань мгновенно сменил гнев на милость.

Вэй Чжэнпин оторопел — он не ожидал, что император так легко поддастся, и нахмурился. Сун Тянью же, напротив, обрадовался, подумав, что маленький император еще не окончательно безнадежен.

Чиновники Наньчжили уже давно толпились у ворот дворца. Стоило Гу Сьюаню дать добро, как Сун Тянью немедленно распорядился позвать их всех. Большинство из них видели императора впервые. Хотя до них доходили слухи о его распутстве, в момент поклона они были весьма искренни.

Гу Сьюань взмахом руки велел всем подняться:

— Если есть дело — докладывайте, если нет — свободны. Говорите кратко.

Чиновники по очереди начали докладывать о насущном. Некоторые вопросы были сущими пустяками, но другие касались жизни и смерти. После того как один из чиновников закончил

свой горестный рассказ, Гу Сьюань кивнул:

— Об этом я знаю. В книгах по истории, что я читал, сказано: если случилась беда, нужно выдать помощь, верно? Великий полководец Вэй, выдай им серебро.

Чиновник захлопал глазами, не зная, радоваться или плакать. Вэй Чжэнпин же с улыбкой возразил:

— Ваше Величество, регион Цзяннань богат, это житница всех Центральных равнин, край рыбы и риса — какая там может быть беда? К тому же, я ведь докладывал вам: мы начинаем строительство нового дворца в Янчжоу. На это нужны деньги.

Услышав это, чиновник рухнул на колени и зарыдал:

— Ваше Величество! В землях Ваньнань, чтобы спасти Сучжоу и Чжэцзян от наводнения, были затоплены десятки тысяч му плодородных земель! Множество людей лишились крова, у них нет ни зернышка в котле, они вынуждены сражаться за каждый комок «земли Гуаньинь»...

Гу Сьюань моргнул, жестом прервал его и с любопытством спросил:

— Сражаться за «землю Гуаньинь»? Неужели это такое изысканное лакомство, что народ за него бьется? Раз так, дорогой подданный, вели доставить сюда пару сотен цзиней — я отведаю её вместе с великим полководцем Вэем и герцогом Суном.

— ... — Рыдания чиновника мгновенно смолкли. Он не понимал: этот маленький император действительно дурак или только притворяется?

У Вэй Чжэнпина тоже дернулась бровь.

Спустя некоторое время, глядя на несколько корзин с грязью, выставленных перед ним, Гу Сьюань пришел в неопишемую ярость и ударом ноги опрокинул одну из них:

— Эта дрянь выглядит невкусно! Я не стану это есть!

Сун Тянью тяжело вздохнул:

— В этом и заключается горе народа. Ваше Величество, людям в Ваньнани приходится несладко. Прошу вас, отдайте приказ о помощи пострадавшим!

Гу Сьюань вернулся на трон и посмотрел на Вэй Чжэнпина:

— Великий полководец Вэй, выдай серебро. Отдай им те деньги, что предназначались для дворца в Янчжоу. Всё равно я в ближайшее время туда не хочу — в Цзиньлине много красавиц, я побуду здесь подольше.

При упоминании красавиц его глаза непроизвольно заблестели. Вэй Чжэнпин нахмурился, и его голос стал холоднее:

— Слово императора — камень, как можно менять приказы по три раза на день...

Однако не успел он договорить и половины, как Сун Тянью резко перебил его:

— Великий полководец Вэй! Ваше Величество уже распорядился о помощи. Неужели вы собираетесь принуждать государя бросить народ на произвол судьбы?

Вэй Чжэнпин опустил глаза, его лицо потемнело. Он привел сегодня Сун Тянью к императору, надеясь выставить того в неприглядном свете, но не ожидал, что капризы мальчишки обернутся против него самого.

В этот момент тон Сун Тянью смягчился, и он вкрадчиво обратился к Гу Сьюаню:

— Ваше Величество, на берегах Циньхуай издревле было много красавиц. Раз вы решили остаться в Цзиньлине, я устрою для вас народный отбор невест, чтобы собрать лучших дев Цзяннани.

Услышав это, Гу Сьюань в восторге вскочил с места:

— Прекрасная затея! Герцог Сун, ты поистине самый верный слуга Великой Чжоу! Серебро для помощи пострадавшим я тоже поручаю тебе. Если на отбор невест не хватит денег — возьми немного оттуда.

— ... — Сун Тянью лишился дара речи.

«Ну и никчемный же ты правитель!» — подумал он, но вслух произнес со всем благоговением:

— Подданный повинуетя.

Когда все покинули зал, Гу Сьюань выдохнул и с холодным лицом встал у окна. Притворяться гораздо утомительнее, чем тренироваться.

Однако спустя месяц, когда помощь голодающим в Ваньнани была завершена, а устроенный герцогом Суном отбор невест подошел к финалу, Гу Сьюаня ждал сюрприз.

На последнем этапе дворцового отбора среди претенденток он увидел «красавицу Се», переодетую в женское платье.

Только тогда Гу Сьюань в полной мере осознал, что такое душевная усталость.

«Почему логика всех окружающих так разительно отличается от моей?» — задался он вопросом.

—

<http://bllate.org/book/14483/1281657>